

МИРОВОЕ БОЛЬШИНСТВО В ЧАЯНИИ ПАССИОНАРНОСТИ

Оксана Гаман-Голутвина
МГИМО МИД России, НИУ ВШЭ

Аннотация: Термин «мировое большинство» прочно утвердился в актуальном дискурсе международных отношений в качестве зонтичного понятия для определения незападного мира. Порой этот термин стремятся представить как имеющий выраженный антизападный характер. Однако это вольная интерпретация: представители крупнейших участников данного условного – как не имеющего интеграционного знаменателя – сообщества в лице Индии, Китая, да и России – неоднократно акцентировали альтернативный по отношению к Западу вектор эволюции этого сообщества – альтернативный, но не антагонистический. Приоритетным фокусом при рассмотрении мирового большинства является рассмотрение реалий России, Китая, Индии, Африки.

Ключевые слова: Мировое большинство, не-Запад, незападные культуры

Оксана Викторовна Гаман-Голутвина – доктор политических наук, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, президент РАПН, главный редактор журнала «Сравнительная политика», член Общественной палаты РФ и Общественной палаты Москвы, член-корреспондент РАН, профессор-исследователь НИУ ВШЭ.

ORCID: 0000-0002-2660-481X E-mail: ogaman@mail.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Термин «мировое большинство» прочно утвердился в актуальном дискурсе международных отношений в качестве зонтичного понятия для определения *незападного мира*. Порой этот термин стремятся представить как имеющий выраженный *антизападный характер*. Однако это вольная интерпретация: представители крупнейших участников данного условного – как не имеющего интеграционного знаменателя – сообщества в лице Индии, Китая, да и России – неоднократно акцентировали альтернативный по отношению к Западу вектор эволюции этого сообщества – *альтернативный, но не антагонистический*. В представляемом выпуске мировое большинство включает рассмотрение реалий России, Китая, Индии, Африки.

Рассмотрение мирового большинства предполагает плюрализм ракурсов, но объективно ключевым для утверждения этого сообщества в качестве перспективной силы является его способность / неспособность достичь экономического роста. Экономический рост традиционно рассматривается как производное от качества политических и экономических институтов. В данном выпуске эта взаимосвязь подвергается эмпирической проверке в статье С.В. Расторгуева, Е.В. Бродовской, Р.В. Пармы в формате верификации гипотезы о взаимозависимости качества институтов и темпов роста ВВП в период после глобального экономического кризиса 2008–2009 гг. Предпринятый авторами корреляционный анализ показал, что в период после глобального экономического кризиса наибольшие темпы роста демонстрировали страны с достаточно низкими позициями в «Индексе демократии» и «Индексе бизнеса», тогда как лидеры рейтингов показывали более низкие темпы экономического роста. Обнаруженные расхождения авторы пытаются объяснить как эффектом низкой базы ряда стран-лидеров по темпам роста, так и эффективной экономической политикой их элит. При этом кейс России демонстрирует

положительную корреляцию между низкой позицией в «Индексе демократии» и низкой позицией по темпам экономического роста, а также отрицательную корреляцию между относительно неплохой позицией в «Индексе бизнеса» и низкой позицией по темпам экономического роста. В поисках объяснения авторы апеллируют как к значительным негативным эффектам глобального экономического кризиса и антироссийским санкциям, так и к, увы, к неэффективной экономической политике. Двойственность гипотез аргументирует необходимость дальнейшего развития методологии исследований на стыке политологии и экономики для более глубокого понимания нелинейной динамики макроэкономических показателей.

Продолжая российскую тематику, А.А. Киреев обращается к рассмотрению нового феномена Центр-периферийных отношений, а именно, феномена «двойных периферий», изучение которого осложняется рядом трудностей методологического порядка. На материале российского Дальнего Востока А.А. Киреев предпринимает попытку методологически обоснованной идентификации двойной периферии. Предлагая рабочее определение двойной периферии, автор фиксирует сложившуюся в постсоветский период двойную периферийность макрорегиона Дальнего Востока в отношении стран СВА-3 (Китай, Япония, Республика Корея) и России, рельефно проявляющуюся в сферах вывоза товаров и выездного туризма. Автор намечает возможные пути политического стимулирования социально-экономического развития дальневосточного макрорегиона в условиях задаваемых его периферийным положением объективных ограничений. Представляет интерес обоснование целесообразности перехода от проводившейся с начала 2010-х гг. селективной политики локальных преференций к плановому освоению Дальнего Востока посредством введения на территории ДФО особого режима управления.

В любом ракурсе рассмотрения позиций мирового большинства неоспоримо значение взаимоотношений России и Китая. Вэйцзин Дай из Пекинского университета рассматривает отношение этих держав к перспективам глобальных и региональных процессов в контексте практической неизбежности деглобализации. При всех различиях Китай и Россия одинаково привержены идеям евразийской интеграции. Сопоставление китайского и российского подходов к глобализации и регионализации позволяет выявить влияние этих подходов на государственную политику двух стран в сфере евразийской интеграции. Скрупулезный анализ показывает, что, несмотря на некоторые различия в китайском и российском взглядах на глобализацию и регионализацию, у обеих стран сходные позиции по ключевым аспектам: глобализация призвана максимизировать общечеловеческие выгоды, а региональная интеграция

не должна противоречить глобализации. Это образует прочную основу сотрудничества Москвы и Пекина в евразийских интеграционных процессах, институтах и проектах – ШОС, ЕАЭС и ОПОП.

Рассмотрение регионализации и глобализации в ракурсе противостояния/взаимозависимости сверхкрупных стран региона побуждает обратиться к более широкому контексту трансформации государств Южной Азии и особенностям внешнеполитических стратегий великих держав, что представлено в статье С.И. Лунева и А.Ю. Давыденко. Данный регион в определенной мере отражает изменившееся глобальное соотношение сил: здесь расположены государства, существенно отличные друг от друга по численности населения, географическим масштабам, военной и экономической мощи, научно-техническому потенциалу, цивилизационным особенностям и другим параметрам, определяющим ключевые аспекты межгосударственных отношений. Нервом международных отношений в регионе остаются коллизии китайско-индийских взаимодействий. Несмотря на определенную нормализацию двусторонних отношений на данном этапе, многие факторы ограничивают связи Китая и Индии, причем большинство из них является производным от базового противоречия – соперничества азиатских гигантов. Обоснованно идентифицируются стратегические цели становления (Индия) и укрепления (Китай) в качестве мировых держав. Авторы обоснованно предполагают, что после становления полицентрического мира китайско-индийские противоречия будут иметь очевидную тенденцию к углублению. Не последнюю роль в определении перспектив играет тот факт, что в случае реализации формата полицентрического мира Индия и Китай постараются получить дополнительные выгоды от резко усложнившейся геополитической ситуации.

Особую роль в конституировании мирового большинства играют страны Африки. Последняя, некогда бывшая, согласно меткому определению А.М. Васильева, «падчерицей глобализации», неожиданно даже для себя самой обрела шансы стать золушкой. Одним из средств столь радикального преобразования стало взаимодействие Африки со странами ЕС, члены которого со времен классического колониализма заинтересованы в богатствах континента. Актуальной современной задачей африканистики предстает выявление динамики африканской стратегии ЕС, стремящегося сохранить свои позиции на континенте в условиях возрастающего давления со стороны США и Китая, а также понимание воздействия интеграционных процессов на отношения ЕС – Африка. Применение междисциплинарных подходов позволяет О.Е. Трофимовой, Н.А. Подчасову, А.Д. Кулиничу выявить ключевой фактор эффективности европеизации,

состоящий в переносе европейской системы ценностей и демократии на африканскую почву и определить границы применимости этой технологии. Авторы правомерно отмечают, что процессы региональной интеграции в Африке – один из результатов углубления взаимосвязей при сохраняющейся их асимметрии и одновременно важное отличие проекта ЕС – Африка от других моделей взаимодействия. Асимметрия проявляется в экономических отношениях, признании различных позиций в новом мировом порядке и внутристрановых условиях развития, а также финансовых и кадровых возможностях стран Африки. Не менее актуальным является анализ усиливающейся конкуренции ЕС с США и Китаем в Африке, выявление специфики их связей с континентом, перспектив развития сотрудничества ЕС с Африкой в новых условиях и перспектив реализации очередной версии проекта ЕС – Африка.

В немалой степени укрепление позиций Африки достигается посредством диверсификации внешних связей стран континента. В контексте характерного для XXI века расширения политического участия женщин в мировой политике не удивительно возрастание представительства африканок в органах власти различного уровня. Некоторые из них занимали руководящие посты в структурах ООН. Л.Я Прокопенко посредством функционального и биографического методов исследования проанализировала деятельность южноафриканок, активно вовлеченных в продвижение тематики прав человека, борьбы с голодом, ВИЧ / СПИД на национальном и международном уровнях, в том числе в рамках ООН и Африканского союза. Особое внимание автор уделяет отношению южноафриканок к теме гендерного равенства, которое они рассматривают в качестве необходимого условия демократического развития. На различных многосторонних площадках представители Юга африканского континента выступали за расширение прав и возможностей женщин во всех областях политической, экономической и общественной жизни общества, как находясь на руководящих постах в ООН, так и по завершению срока полномочий. Принципиальное значение этой деятельности состоит в том, что многосторонняя и многотрудная деятельность южноафриканок в рамках ООН в борьбе за права человека, в борьбе с голодом и ВИЧ / СПИД помимо достижения профильных целей, демонстрирует потенциал гендерного равенства при решении глобальных проблем.

Рассмотрение актуальных измерений мирового большинства было бы невозможно вне глобального контекста, формируемого его альтер-эго – западным миром. Вопреки множеству пророчеств, последний не намерен отступить, скорее, он готов простудиться на похоронах этого «большинства», воспринимаемого им именно так – в кавычках. Тем не менее,

осознавая ослабление собственных позиций в глобальной конкуренции, государства ЕС прилагают усилия по стратегической обороне. П.П. Тимофеев и М.В. Хорольская прослеживают различия стратегий Германии и Франции в рамках этого общего курса. До начала украинского кризиса политика безопасности упомянутых государств имела сходный характер; в настоящее время расхождения по вопросам безопасности между странами углубляются. Франция, опирающаяся на собственный ВПК и ядерное оружие, стремится развивать европейскую оборону, активно продвигает инициативные проекты в Европейском союзе с целью получения финансовых дивидендов и укрепления «стратегической автономии». Не имеющая таких возможностей Германия делает упор на структуры НАТО и вооруженные силы США, что находит отражение в ее политическом курсе, весьма зависимом от американского ВПК.

Несколько иначе выражается влияние международной турбулентности на внутривнутриполитические процессы и внешнеполитическое планирование в Великобритании. Похоже, истеблишмент этой страны стал жертвой собственных нарративов – нарочитое разделение международных игроков на демократические и авторитарные режимы проецируется в утверждении о злонамеренном влиянии последних на внутреннюю политику Великобритании. К.А. Годованюк показала, как многократно тиражируемый тезис об «иностранных вмешательствах» в дела Соединенного Королевства стимулировал появление новых политических и правовых практик внутри страны и усилил зависимость внешнеполитического курса от внутренних нарративов в пользу значительно менее гибкого. Россия приобрела в британской стратегической культуре статус вселенской угрозы, а роль Китая в сфере безопасности свелась к угрозе промышленного шпионажа, что актуализировало задачу «нейтрализации влияния КНР и ее агентов» в их попытках воздействия на британский истеблишмент. Данные сдвиги стимулировали обновление внутреннего законодательства Британии в части «противодействия иностранному вмешательству».

Одним из способов противостояния внешнему вмешательству» (которое по факту отсутствовало) стали беспрецедентные антироссийские экономические санкции ЕС и Британии, приоритетным объектом которых предстала российская энергетическая отрасль. С целью адаптации к новым реалиям российский нефтяной экспорт был переориентирован из Европы в Азию. Е.Я. Арапова, С.И. Балахонова, Е.С. Князькина подвергли рассмотрению недостаточно изученные вопросы эффективности российской стратегии адаптации к ограничениям ЕС в данной сфере, в том числе посредством оценки воздействия санкций ЕС в отношении российского топливно-энергетического комплекса с учетом объема и тенденций

эволюции торговых отношений России с Китаем, Индией и Турцией в области энергетики. Проведенный анализ показывает, что в краткосрочной перспективе отечественной нефтяной отрасли удалось оперативно отреагировать на возникшие вызовы за счет предоставления значительных скидок новым партнерам. Круг ключевых бенефициаров последствий санкционной политики ЕС очевиден – это Индия, Китай и Турция.

Всеохватный формат глобальной конкуренции обуславливает неизбежное вовлечение в эту конкуренцию и космической сферы. Милитаризация космического пространства – очевидный факт, свидетельствующий о нарастающей конфликтности в космосе. Не случайно в 2022 г. в НАТО разработана новая концепция использования космоса. Обращение к изучению новых космических технологий О.В. Гусаровой и Л.В. Панковой свидетельствует как о новых сферах и технологиях конкуренции в космосе, так и о возможном новом формате стабильности в этой сфере, не случайно в этой связи постановка вопроса о «космическом сдерживании», которое фокусируется преимущественно на предотвращении нападений на системы космического базирования, а не только на использовании космических средств для сдерживания агрессии обычными средствами. Эксперты обращают внимание на необходимость изучения последствий военного использования космических средств, использования направленной энергии, средств радиоэлектронного противодействия, возможностей кибер-атак и спутников-инспекторов. Острота и сложность темы определяют востребованность более интенсивных дискуссий по тематике развития космических вооружений с целью предотвращения милитаризации космического пространства.

Затронутые сюжеты показывают, что сложность феномена мирового большинства ничуть не уступает таковой применительно к пресловутому «меньшинству», в качестве которого позиционируется Запад. В данном случае «размер не имеет значения», и составляющий порядка одной восьмой населения мира «политический Запад», охватывающий различные географические ареалы мира от Австралии и Японии до Канады, определенно не готов уступать и демонстрирует недюжинную волю к выживанию. Эта выражено нелинейная логика вопреки известному высказыванию наполеоновского маршала подтверждает: Бог не всегда на стороне больших батальонов, а численный перевес отнюдь не гарантирует победы. И потому мировому большинству не стоит рассматривать свою значительную численность в качестве фактора автоматической победы. Ибо, как справедливо заметил один из крупнейших поэтов Запада И.В. Гете, «...Лишь тот достоин жизни и свободы, // Кто каждый день за них идет на бой»... Эта пассионарность в сочетании с уникальными

историческими обстоятельствами обеспечила численному меньшинству Запада в прошлом обретение доминирования в мировом масштабе. Трудно ожидать, что история изменит свою логику в случае большинства...

Dr. Oksana Viktorovna GAMAN-GOLUTVINA – Head, Department of Comparative Politics, MGIMO University; President, Russian Association of Political Science; Editor-in-Chief, "Comparative Politics Russia" Journal; Member, Civic Chamber of the Russian Federation and Moscow; Corresponding Member, Russian Academy of Sciences; Professor, HSE University.

ORCID: 0000-0002-2660-481X. E-mail: ogaman@mail.ru

76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Abstract: The term "world majority" has become firmly established in the current discourse of international relations as an umbrella concept for defining the non-Western world. Sometimes they try to present this term as having a pronounced anti-Western character. However, this is a loose interpretation: representatives of the largest participants in this conditional community, which does not have an integration denominator, represented by India, China, and Russia, have repeatedly emphasized an alternative vector of evolution of this community in relation to the West – an alternative, but not antagonistic one. The priority focus when considering the global majority is to consider the realities of Russia, China, India, and Africa.

Keywords: World majority, non-West, non-Western cultures